

Методологический потенциал истории политических и правовых учений¹

Аннотация. Статья посвящена не проблемам методологического инструментария в традиционном смысле этого слова. Трудно, а может быть, даже невозможно найти в интеллектуальной истории человечества мыслителя, который в той или иной степени не касался бы права и государства, других политико-правовых институтов. Каждый из них руководствовался своей собственной методологией. Допускаем, что это могло происходить на уровне подсознания. Акцент в данной статье сделан не на том, какие методы использовались при изучении сущности политических и правовых институтов, а на совершенно других аспектах. Конкретно — на методологической составляющей (потенциале) истории политических и правовых учений. Особенность данной науки и учебной дисциплины заключается в том, что она накопила колоссальный опыт осмысления государственного и правового строительства в мировом масштабе, а не только применительно к отдельной стране или континенту. Основа любой цивилизации, страны и государства — экономика и идеология.

Цель статьи — обратить внимание именно на методологический потенциал (возможности) истории политических и правовых учений. В этой отрасли научного знания мы можем найти не только теоретические модели, представляющие интерес для науки. Самое главное состоит в том, что история государственного строительства наглядно показывает результаты внедрения теоретических конструкций в реальные социальные практики. Иными словами, методология интерпретируется в статье не под когнитивным углом зрения, а несколько шире, в тесной связке «доктрина — практика».

Ключевые слова: государство; доктрина; история; метод; методология; политика; право; потенциал; учения.

Для цитирования: Корнев А. В. Методологический потенциал истории политических и правовых учений // *Lex russica*. — 2022. — Т. 75. — № 7. — С. 64–73. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.188.7.064-073.

Methodological Potential of the History of Political and Legal Doctrines²

Arkadiy V. Kornev, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of the State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
kornev_av@rambler.ru

Abstract. The paper is not devoted to the problems of methodological framework in the traditional sense of the word. It is difficult, and perhaps even impossible, to find in the intellectual history of mankind a thinker

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00779.

² The reported study was funded by RFBR according to the research project № 20-011-00779.

© Корнев А. В., 2022

* Корнев Аркадий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993

kornev_av@rambler.ru

who would not dwell on law and the state, other political and legal institutions. They all were guided by their own methodology. We assume that this could happen even at the subconscious level. The emphasis in this paper is not on what methods were used in the study of the essence of political and legal institutions, but on completely different aspects. Specifically, the focus is made on the methodological component (potential) of the history of political and legal doctrines. The peculiarity of this science and academic discipline is that it has accumulated enormous experience in understanding the state and legal construction on a global scale, and not only in relation to a particular country or continent. Economy and ideology constitute the basis of any civilization, country and state.

The aim is to draw attention to the methodological potential (possibilities) of the history of political and legal doctrines. In this branch of scientific knowledge, we can find not only theoretical models of interest for research. The most important thing is that the history of state construction illustrates to us the experience of introducing theoretical constructions into real social practices. In other words, the methodology is interpreted in the article not from a cognitive point of view, but somewhat more broadly, in a close «doctrine — practice» combination.

Keywords: state; doctrine; history; method; methodology; politics; law; potential; teachings.

Cite as: Kornev AV. Metodologicheskiy potentsial istorii politicheskikh i pravovykh ucheniy [Methodological Potential of the History of Political and Legal Doctrines]. *Lex russica*. 2022;75(7):64-73. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.188.7.064-073. (In Russ., abstract in Eng.).

Наука представляет собой одну из разновидностей общественного сознания наряду с искусством, религией, правовым сознанием. Во всяком случае, так было принято считать ранее. Особых изменений в подходах не наблюдается. Другое дело, что в настоящее время существенно пересмотрены взгляды на соотношение науки и религии. Сегодня почти не слышны голоса тех, кто резко противопоставляет эти два института. Однако изменения, касающиеся мировоззренческих основ бытия, не затронули главного, а именно: религия черпает доводы в пользу своих постулатов внутри самой себя, то есть не выходя из своей во многом уникальной системы аргументации. Справедливости ради стоит отметить огромную роль религии в становлении и развитии культуры как таковой. Кроме того, система религиозных взглядов являлась главным элементом в механизме социализации человека на протяжении многих веков, пока ей на смену не пришла рациональная, а затем и научная картина мира. Только один пример. Галилео Галилей, современник Шекспира, профессор математики в Университете Падуи, усовершенствовал телескоп, который впервые появился в Гааге в 1608 г. Это позволило ему найти эмпирические аргументы в пользу теории Коперника. В своем «Диалоге о двух главнейших системах мира» (1632) он сравнил системы Птолемея и Коперника, отдав предпочтение взглядам последнего. Убеденный рационалист, Г. Галилей не считал Библию авторитетным научным источником. Разумеется, профессор предстал перед судом инквизи-

ции, и только «нестыковка» между церковной и секулярной юрисдикцией спасла его от костра.

Парадоксально, но в литературе науку и инквизицию как особый религиозно-правовой процесс довольно часто сравнивают — и находят что-то общее. Даже родилась своеобразная метафора: «наука есть допрос природы под пыткой»³. Конечно, придавать этому серьезное значение не стоит. Религиозный взгляд на мир предполагает некую данность, которую необходимо воспринимать некритически.

Иное дело научные знания. Наряду с интерпретацией науки в качестве формы общественного сознания, науку квалифицируют как сферу исследовательской деятельности, которая направлена на производство новых знаний о природе, обществе и мышлении.

К величайшему сожалению, история политических и правовых учений в настоящее время все более перемещается в сферу науки. В программе бакалавриата такой дисциплины нет. В программе магистратуры количество часов, отводимых на изучение данного предмета, настолько скромное, что говорить серьезно даже о поверхностном освоении курса просто не приходится. И это притом, что во многих документах стратегического планирования говорится о сохранении традиционных ценностей российского социума и даже о духовно-нравственном лидерстве нашей страны-цивилизации. А как этого добиться, если молодые люди мало что или совсем ничего не знают о ведущих политических теориях и их влиянии на жизнь государственно-организованного общества?

³ Блэк Дж. Краткая история Италии. М. : Колибри, Азбука-Аттикус, 2021. С. 118.

Причем как отечественные мыслители, так и зарубежные авторы современным молодым людям, как правило, неизвестны.

В западном обществе отчетливо заметны процессы разложения социальных институтов, размывания культурных ценностей, расчеловечивания человека. И все это, разумеется, ради торжества демократии. Да и в нашем российском социуме появились тревожные симптомы. Все большее количество российской молодежи воспринимает откровенно дегенеративную гедонистическую «формулу» жизни.

Отчетливо просматривается тенденция к хаотизации процессов не только на международном уровне, но и на национальном. Обозначились центры, кровно заинтересованные в разжигании смуты как в умах, так и в социальных практиках. Важно посеять хаос в стране, которая противостоит господству, и не допустить его у себя. Или допустить лишь в той мере, которая позволит оправдать силовое вмешательство, направленное на минимизацию протестных отношений. Даже если для них имеются веские основания. В этих условиях роль права становится все менее значительной. Конкретно для нашей страны это губительно, ибо есть некая историческая наследственность. Граф Л. Н. Толстой видел силу русского народа в простоте и упрямстве. Во время Крымской войны, участником которой он являлся, Л. Н. Толстой, по его словам, испытывал двойственное чувство: гордость за русских людей и стыд за извечный российский беспорядок. Но также в сердце его жила надежда: «Россия или должна пасть, или совершенно преобразиться»⁴.

Юридические науки принято делить на историко-теоретические, отраслевые и специальные (прикладные). Особое место занимает международное право. Данная классификация не является единственной и общепризнанной. Соотношение юридических наук и учебных дисциплин находится в постоянном развитии. Не стоит об этом забывать. Это если говорить об учебных дисциплинах.

Что касается собственно юридической науки, то здесь произошли кардинальные изменения. Область науки теперь именуется «Социальные и гуманитарные науки», группа научных специальностей — «Право», наименование отрасли науки, по которой присуждаются ученые степени, — «Юридические науки». Утверждены следующие шифры научных специальностей:

теоретико-исторические правовые науки; публично-правовые (государственно-правовые) науки; частноправовые (цивилистические) науки; уголовно-правовые науки; международно-правовые науки.

Произошло значительное сокращение научных специальностей. Акцент сделан не на конкретизацию отдельных вопросов, требующих научного осмысления, а на направления исследований.

История политических и правовых учений относится к числу теоретико-исторических правовых наук. Если рассматривать четыре составные части этих наук: теорию государства и права; историю государства и права России; историю государства и права зарубежных стран; историю учений о государстве и праве, — то несомненным методологическим статусом обладает теория государства и права. Или обладала. Во всяком случае, под влиянием западной, особенно англосаксонской, системы юридического образования некоторые современные отечественные авторы не только отрицают методологический характер общей теории права и государства (первенство права или государства чаще всего зависит от идеологических пристрастий), но и саму необходимость в такой науке и дисциплине.

Тому есть некоторые причины, которые стоит рассмотреть подробнее. В советской системе юридического образования имела место своеобразная иерархия, если угодно, объективно необходимый порядок. Кафедры научного коммунизма, истории КПСС, марксистско-ленинской философии находились на вершине пирамиды образования. Они играли особую, привилегированную роль. Состав персонала этих кафедр тщательно подбирался. Было желательно, чтобы преподаватели являлись членами коммунистической партии. Особое место этих кафедр объяснялось тем, что они отвечали за идеологию. И такая позиция была правильной, поскольку в основе любого социально-экономического проекта лежит неразрывное единство идеологии и экономики.

А вот среди собственно юридических кафедр лидирующие позиции занимала кафедра теории государства и права. Во-первых, потому что отраслевые дисциплины в конечном счете также изучали государство и право, но под своим, как принято говорить, углом. Во-вторых, воспринимая государство и право как надстроеч-

⁴ Цит. по: Жуков Д. Заветное. М. : Современник, 1981. С. 125.

ные явления, производные от экономического базиса, данная теоретическая дисциплина обобщала разрозненные правовые знания и формулировала юридические понятия, которыми пользовались отраслевые юридические дисциплины. Никакого отрыва теории от отраслевых дисциплин, тесно связанных с практикой, как правило, не наблюдалось. Теоретики права советского периода во многом продолжали традиции дореволюционных ученых, таких как С. А. Муромцев, Л. И. Петражицкий и др. О. С. Иоффе был признанным авторитетом как в цивилистике, так и в общей теории права. С. С. Алексеев пришел в теорию права из гражданского права, а в конце своей научной биографии плодотворно занимался проблемами конституционного права, а также философией права. Н. Г. Александров проявлял интерес к общей теории права, хотя считается выдающимся ученым в области трудового права. Есть и другие примеры.

Среди функций теории государства и права особую роль играют онтологическая, эвристическая и методологическая. Онтология (наука о сущем) применительно к теории государства и права выражается в объяснении сущности государственно-правовых явлений.

Эвристическая функция объективируется в отыскании способов и методов решения проблем, имеющих государственно-правовой характер. И не только. В этом состоит одна из функций науки вообще. К примеру, Франклин Делано Рузвельт, возглавив США в период величайших испытаний, так называемой Великой депрессии, в своей практической деятельности опирался на группу профессоров Колумбийского университета, которую называли «мозговым трестом»⁵. Этот университет некоторое время имел репутацию «инкубатора» президентуры. Попутно заметим, что и другие президенты обращались за экспертно-научной помощью. Гарвард, Йельский и Принстонский университеты, Массачусетский технологический институт давали власти в высшей степени полезные рекомендации. Ну и, конечно же, нельзя не вспомнить выдающегося экономиста Дж. М. Кейнса, который выступал за активное вмешательство государства в экономику, вплоть до планирования экономического развития. Потом, правда, у данной экономической политики появился авторитетный критик, а именно Фридрих фон

Хайек. Его знаменитая «Дорога к рабству» стала цитатником для отечественных экономистов «либерального» толка, практически приведших страну к пропасти.

Собственно методологическая функция теории государства и права заключается в том, что она предлагает отраслевым наукам продуктивные методы исследования государственно-правовых явлений, проводит своего рода селекцию этих методов на предмет научной пригодности, а также формулирует базовые понятия юридической науки. И здесь мы имеем возможность наблюдать некоторую двойственность. С одной стороны, теория государства и права использует научные категории, присущие науке вообще. В качестве таковых выступают время, пространство, бытие, причина, следствие и т.д. Теория не может придавать им иной смысл, чем тот, в котором они употребляются. Иногда говорят, что научные категории представляют собой очки, через которые исследователь смотрит на мир. Образно, но очень убедительно. С другой стороны, теория государства и права формирует новые и шлифует устоявшиеся правовые категории под влиянием времени и обстоятельств.

Задача этой статьи — раскрыть методологический потенциал истории политических и правовых учений. В том, что он есть у теории государства и права, никто особенно не сомневается. А вот есть ли он у истории политических и правовых учений? Данную учебную дисциплину и науку нередко называют историей теории государства и права.

Коль скоро она является исторической дисциплиной, как и юридической, политической и теоретической, есть основания обратиться к исторической науке. Выдающейся фигурой конца XVII — первой половины XVIII в. был Джамбаттиста Вико, профессор риторики Неаполитанского университета, который в своем труде «Новая наука» (*Scienza Nuova*, 1725) описал историческую эволюцию человеческого обществ. Он до сих пор считается *основоположником современного понимания истории как научной дисциплины*⁶.

В отношении статуса истории много споров. К. Поппер, к примеру, отрицает существование неких исторических законов. Некоторые авторы не считают историю наукой. Полагаю, что это явно ошибочное мнение. История — наука, вне всякого сомнения. Здесь не надо спорить,

⁵ Римини Р. Краткая история США. М. : Колибри, Азбука-Аттикус, 2021. С. 295.

⁶ Блэк Дж. Указ. соч. С. 146.

точная она или нет. Больше импонирует точка зрения Платона, выделившего особый класс наук, которые он назвал науками о бытии. Они объясняют явление через закон. В силу этого данные науки квалифицируют в качестве номологических. «Было, есть и будет» — вот универсальная формула данных наук. Его ученик Аристотель обосновал науки о становлении и развитии, или каузальные. В этих науках явление интерпретируется через причину. Применительно к государству и праву в данном контексте можно сказать, что они постоянно находятся в движении, развитии. И мы сможем верно судить о состоянии государственно-правовых явлений тогда, когда вскроем причины и факторы, задающие тон этому развитию.

Нам довольно редко приходит в голову, что деятельность отдельного человека, общества и его институтов, да и государства зависит от природных циклов, таких, например, как «день — ночь», «зима — лето». Ночью принято отдыхать, а днем проявлять активность. Хотя бывают и исключения. Точно так же мы можем наблюдать зависимость от цикличности времен года, или сезонов. Стало быть, имеет место повторяемость. А если есть повторяемость, то мы вправе говорить о некоторых закономерностях. Методология помогает изучать явления, постигать их сущность, открывать законы и закономерности. А это и есть повторяемость.

Интересные суждения на этот счет находим у А. Дж. Тойнби: «Думается, напрашивается вывод, что история человечества действительно временами повторялась, в значительной мере даже в тех сферах человеческой деятельности, где желание и воля человека были ближе всего к овладению ситуацией и менее всего зависели от влияния природных циклов. Должны ли мы теперь заключить, что детерминисты в конце концов правы и то, что выглядит как свобода воли, есть лишь иллюзия?»⁷

Тойнби пытается дать ответ на этот вопрос. В типично западной манере, руководствуясь, как мне представляется, парадигмой рациональных инноваций. Он говорит, что мы (речь идет о западной цивилизации) не должны перекладывать ответственность на плечи Господа или природы. Надо всё взять на себя. Историк признает присутствие закономерностей, в силу которых гибли цивилизации прошлых эпох. Он констатирует наличие опасности и для запад-

ной цивилизации. Для того чтобы и она не стала просто страницей человеческой истории, он предлагает рецепт в чисто западном ключе. Тойнби задает прямой вопрос: «Что делать, чтобы спастись?» И дает такой ответ: «В политике — установить конституционную кооперативную систему мирового правительства. В области экономики — найти работающие компромиссы (которые могут варьироваться в зависимости от условий и требований места и времени) между свободным предпринимательством и социализмом. В области духовной — вернуть светские суперструктуры на религиозное основание. Сегодня у нас, в западном мире, предпринимаются усилия, чтобы найти пути к достижению всех трех целей»⁸.

Данная позиция, по сути, дает своеобразный методологический ключ к пониманию процессов, происходящих сегодня в мире. И между прочим, той консолидированной политики, которую проводит в отношении России «коллективный Запад». Для него решение «проблемы» России и Китая практически сводится к тому, чтобы любыми усилиями сохранить доминирование в мире.

В первом случае они решают проблему потенциального источника военного сопротивления их планам, а во втором — экономического. Пока военная мощь Китая уступает его экономическому потенциалу. В России все наоборот. Если бы наша власть в прежние времена не уничтожала промышленный и научный потенциал страны, не стремилась бы так втиснуться в мировую экономику в качестве поставщика невосполнимых ресурсов, положение дел было бы несколько другим. Не нужно прятаться за откровенно глуповатой фразой «история не знает сослагательных наклонений». Всегда есть выбор.

В русле проблематики статьи рассуждения едва ли не самого авторитетного историка XX в. (А. Тойнби) имеют важнейшее значение. История политических и правовых учений — дисциплина прежде всего историческая. Мыслители прошлого, да и настоящего в своих трудах размышляли о природе государственно-правовых явлений. Институту государства отдавалось предпочтение. Понятно почему. Власть — вот что характеризует государство. Только обладая властью, можно претендовать на роль демипурга истории. Как национальной, так и миро-

⁷ Тойнби А. Дж. Цивилизация под судом истории. М. : Айрис-Пресс, 2003. С. 289.

⁸ Тойнби А. Дж. Указ. соч. С. 290–291.

вой. Очень важно искать в истории преемственность, почву власти, которая легитимизирует политику власти действующей. Пожалуй, никто из руководителей Италии не тратил столько средств и не уделял столько внимания истории древнего Рима, сколько Б. Муссолини. Трибун, оратор, он и в этом своем качестве видел продолжение римской традиции. Но не это было главным. Дуче хотел прочертить прямую линию от Рима к современной Италии. С одной стороны, это должно было, с его точки зрения, разбудить национальное самосознание итальянцев, а с другой — каким-то образом обосновать претензии Италии на особую роль в европейской и мировой политике. Чем все закончилось, хорошо известно. Но если быть откровенным, то многое ему удалось.

История политических и правовых учений в лице своих многочисленных представителей дает представление о том, чем на самом деле являются государство и право. Какими они должны быть, чтобы лучше выполнять стоящие перед ними задачи. Но не надо думать, что все мыслители исходили из чисто альтруистических побуждений. Вовсе нет. Некоторые больше думали не столько о том, что есть право и государство, сколько о том, как прийти к власти и использовать ее в своих интересах. Таких работ очень много. Одни написаны действующими властителями. Кто-то из них тяготился властью, тот же Марк Аврелий. Как тут не вспомнить его «Размышления. Наедине с собой». А другие просто упивались своим господством. И здесь также довольно много примеров. Не все они были способны создавать концепции, однако каждый из них обладал качествами, которые не свойственны большинству людей. *В политике главную роль играют не знания, а интуиция.*

Было создано очень много теорий государства и права, других политико-правовых институтов. В той или иной степени в них принимались попытки прогнозирования их развития. Методологическая составляющая теоретического знания неразрывно связана с прогнозированием. Трудно спорить с тем, что «различные парадигмы также позволяют сделать прогнозы, точность которых и является ключевой проверкой работоспособности и пригодности теории»⁹.

Как хорошо известно, конечным продуктом всякой теоретической деятельности в сфере

политических и правовых учений являются различные уровни теоретического знания: взгляды, концепции, теории, доктрины, а более широко — школы и направления. У любой теории есть практическая составляющая. Мыслители прошлых эпох, как и современные авторы, не просто создавали в тиши кабинетов произведения только для того, чтобы реализовать свои научные амбиции. В хорошем смысле этого слова. Ибо исследователь без здоровых амбиций — не совсем исследователь. Любой автор, создавая работы в области политических и правовых учений, хотел бы, чтобы его теоретические изыскания находили практическое воплощение. Будем исходить из того, что, исследуя государство и право, ученые руководствовались преимущественно позитивными целями, а именно: стремились полнее раскрыть их потенциал и сделать максимально полезными для общества. Правда, эти мотивы не всегда были главными. Политики, увы, не особенно заинтересованы в том, чтобы массы людей проникали в тайны власти, знали о ней слишком много того, что им знать «не совсем положено». По этой причине власть, как и ее право творить закон, окутывали тайнами, придавали ей чуть ли не сакральный характер. И конечно же, политико-правовая сфера всегда была предельно политизированной. А как насчет влияния политики на исследования в сфере власти, государства, права и вообще социальной истории? В данном случае прав, несомненно, Джереми Блэк, полагающий, что «историческая наука всегда была политизированной»¹⁰.

Если же говорить о перспективах внедрения теоретических разработок в политико-правовую сферу, то здесь как раз и обнаруживается методологическая состоятельность любой доктрины. Можно писать все, что угодно. Предлагать самые нелепые проекты. Сегодня, когда рационализм и некоторые другие постулаты эпохи Просвещения если не забыты вовсе, то повсеместно игнорируются, свобода «творчества» не знает никаких границ. Даже обыкновенный здравый смысл — и тот уже не всегда востребован.

Любая отраслевая юридическая наука имеет свою специфику. Да, мы исходим из принципа единства юридических наук, но только лишь в том смысле, что они изучают право и государство под своим, отраслевым углом зрения.

⁹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2005. С. 41.

¹⁰ Блэк Дж. Указ. соч. С. 302.

В чем они точно не едины, так это в методологических возможностях и методологическом потенциале. Если говорить совсем откровенно, то в абсолютном большинстве юридических наук он просто отсутствует. Да, при проведении исследований применительно к конкретной отрасли права используются различные методы. Сегодня методологический инструментарий значительно расширился. Под флагом борьбы против методологического монополизма, который, скажем честно, имел место, порой предлагаются такие «методы», что задаешься вопросом: как с их помощью установить истину, достичь до сути явления? Совсем не просто. Ни для кого не является секретом, что современные исследователи пишут текст, а уже потом указывают на методы, которые они якобы использовали при подготовке своих диссертационных исследований. В отраслевых юридических науках преобладают эмпирические и прикладные работы. Первые, как принято считать, ориентированы на изучение реальных процессов и явлений, которые можно и нужно регулировать при помощи различных правовых средств. Вторые тесно связаны с первыми. Эта взаимосвязь проявляется в том, что на основе изучения «эмпирики» предлагаются правовые формы решения конкретных проблем.

Социальная жизнь, как и сама социальная история, очень динамична. Одни явления сменяют другие. Словом, сплошной калейдоскоп. По этой причине научная «живучесть» отраслевых исследований, прямо скажем, довольно короткая. Изменилась ситуация, изменились и правовые механизмы влияния на нее.

Иная научная судьба у теоретических исследований. Теории, если это действительно теоретический (концептуальный) уровень научного обобщения, как правило, имеют свойство научной долговечности. Одна теория уступает место другой, если расходится с действительностью в своих базовых положениях. Теорий не может быть много. Конечно, в юридической науке имеют место частные научные теории, и конкретно — в основных отраслях права. Квалификация их в качестве основных в некоторой степени условна, но широко распространена.

А вот разработкой проблем методологии юридической науки занимаются очень немногие исследователи. Во-первых, это очень сложная сфера науковедения. Нужно обладать известной смелостью, чтобы браться за подобные темы. Во-вторых, методология сама по себе не пользуется популярностью. Это же самый вы-

сокий уровень исследования — метатеоретический, а соискателей ученых степеней более всего волнует «диссертательность», то есть перспектива успешной защиты.

Выше указывалось на методологический статус общей теории права и государства. Однако в юридической науке фактически не уделялось должного внимания методологическому потенциалу истории политических и правовых учений. И в этом факте проявляется некоторая странность. Отраслевые исследования, как уже подчеркивалось, научно недолговечны. Они ориентированы на решение конкретных проблем, которые объективно возникают, и примерно по такой же схеме утрачивают свою актуальность. Они нацелены на изменения в законодательстве и, соответственно, научное осмысление и подготовку решений. «Кадровый состав» отраслевых юридических наук не может идти ни в какое сравнение с теми мыслителями, которые оставили заметный след в истории политической мысли. Исследователь в области истории политических и правовых учений имеет дело с гениями, талантливыми людьми и просто одаренными, неординарными личностями, которые своими произведениями обеспечили себе место в истории. Не только науки, но и государственного строительства. Понятно, что всякое деление на гениев и прочих условно. Но все-таки мы вынуждены признать, что люди значительно отличаются друг от друга по своей интеллектуальной мощи. Особенность объекта и предмета истории политической и правовой мысли состоит в том, что практически ни один заметный мыслитель в истории человечества не обошел своим вниманием вопросов права и государства, демократии, законности, частной собственности, тем более целей и задач государства, наилучшей формы правления. Если таковые и имеются, то нужно потратить много усилий, чтобы их обнаружить.

Значение концепций, которые они разрабатывали, проявлялось в явлении «граду и миру» новой парадигмы дальнейшего развития общественных и политических институтов. Только один пример. 31 октября 1517 г. монах-августинец и профессор Виттенбергского университета Мартин Лютер прибил к дверям университетской церкви «95 тезисов» («Диспут о прояснении действительности индульгенций»). Он хотел всего лишь освободить католическую церковь от пороков. И только. Но это рядовое событие возымело последствия. Кэтрин Грэй обос-

нованно заключает: «Историческое значение выступления Лютера трудно переоценить, оно стало началом новой религии, новой морали и нового мировоззрения, тем идеологическим базисом, в котором так нуждалось зарождающееся капиталистическое общество»¹¹.

Курфюрст Саксонии Фридрих Мудрый приютил Мартина Лютера в своих владениях, спасая его от преследований Ватикана. За это время Лютер перевел на немецкий язык Новый завет. В XVI в. это была идеологическая бомба. Если ранее священные тексты писались только на греческом и латыни, а следовательно, основная масса населения не могла их читать и прибегала к услугам священников, то отныне такая необходимость отпала. Более не было нужды в посреднике между человеком и Богом в лице священника, который толковал тексты так, как это было принято в Ватикане. Лютеранство на основании договора, подписанного Карлом V, официально признавалось, наряду с католицизмом. На основе положений договора в 1576 г. юристом Иоахимом Стефани был сформулирован принцип «чья власть, того и вера». В конечном счете «впервые в истории христианской Европы был найден правовой механизм, регулировавший сосуществование нескольких конфессий в структурах одного территориального организма»¹².

Казалось бы, появление протестантизма не должно было выходить за рамки религиозной жизни. Тем не менее это произошло — и во многом изменило экономическую основу многих стран. Там, где протестантизм получил свое распространение, наблюдался очевидный экономический рост. Исследователи стали изучать этот феномен, и многие пришли к выводу, что причина столь быстрого экономического подъема — религия. Макс Вебер, юрист и философ, не нуждающийся в представлении, обращает внимание на один примечательный факт, замеченный им на католических съездах и собраниях: «Мы имеем в виду несомненное преобладание протестантов среди владельцев капитала и предпринимателей, а равно среди высших квалифицированных слоев рабочих, и прежде всего среди высшего технического и

коммерческого персонала современных предприятий»¹³.

Макс Вебер указывает на то, что научные знания имели место в различных регионах: Индии, Египте, Китае, — но нигде они не были облечены в рационалистические формы. В том числе это касается и права. М. Вебер предельно ясно выражает свою мысль: «Несмотря на все то, что сделано в области права в Индии (школа Миманса), несмотря на ряд обширных кодификаций, созданных преимущественно в передней Азии, и на появившиеся в Индии и других странах сборники права, здесь нет того, что позволило бы говорить о рациональной теории права (выделено мной. — А. К.), нет строго юридических схем и форм юридического мышления, присущих римскому и сложившемуся на его основе западному праву. Феномен, подобный каноническому праву, — также порождение Запада»¹⁴.

От себя добавлю, что каноническое право, несмотря на специфическую сферу правового регулирования, также формировалось на основе римского права. И здесь нет никакой тайны. Первоначально римляне воспринимали право как нечто богоданное — *fas*, и только потом появились такие категории, как *jus* и *lex*. Фома Аквинский реабилитировал римское право, доказав, что оно выражает рациональное начало человеческой природы. В христианстве нет ни одной догмы, которая бы отвергала разум, определяющий поведение человека. Эта точка зрения стала распространяться довольно быстро, и римское право перестало восприниматься как нечто чуждое, порожденное античной, языческой цивилизацией, не знавшей Иисуса Христа.

Другой пример — Просвещение, в лице своих выдающихся представителей предложившее совершенно новое видение мира, в котором наука, разум являются критериями всего «хорошего» и всего «плохого». В правовой сфере был явлен Кодекс Наполеона (1804), которым он очень гордился. Находясь на острове Святой Елены, император высказался следующим образом: «Моя истинная слава состоит не в том, что я выиграл сорок сражений; Ватерлоо сотрет

¹¹ Грэй К. Германия. Полная история страны. М. : АСТ, 2021. С. 217.

¹² Грэй К. Указ. соч. С. 224.

¹³ Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 19.

¹⁴ Вебер М. Указ. соч. С. 8.

воспоминания о стольких победах. Но что никогда не забудется и будет жить вечно, так это мой Гражданский кодекс»¹⁵. Скромностью, как известно, император Франции не отличался. К этой мысли он неоднократно возвращался и воспроизводил ее немногочисленному окружению, из которого кто-то с завидной регулярностью скормливал великому полководцу мышьяк. Результат — рак желудка и довольно ранняя смерть.

Воздавая должное Наполеону, не стоит все-таки преувеличивать его роль в создании этого выдающегося правового регулятора, который и сегодня действует во Франции. Правда, с многочисленными поправками. Первый проект Гражданского кодекса был предложен Конвенту еще в августе 1793 г. профессиональным юристом Жаном-Жаком Режи де Камбасересом, который был в то время председателем комитета по законодательству. В августе 1800 г. Наполеоном была учреждена подготовительная комиссия, которой предписывалось реализовать проект Гражданского кодекса. Данная комиссия разработала проект за четыре месяца. В его основе остались предложения Камбасереса.

В юридической литературе, особенно российской, Наполеона нередко представляли человеком, который в знании и владении юридической техникой не уступал профессиональным юристам. И он даже якобы владел всеми методологическими приемами, необходимыми для правоведа. Его нередко сравнивали с Цезарем. Но есть и другая точка зрения: «Бонапарту было далеко до Цезаря; он не блистал ученостью, образование получил посредственное, наполовину чужестранец, он не имел понятия об основных правилах нашего языка»¹⁶.

И тем не менее философия Просвещения как особая методологическая парадигма получила свое выражение в этом выдающемся

одновременно и памятнике права, и действующем нормативном акте. Романо-германская правовая система справедливо квалифицируется как семья, основу которой составляет гражданское право. Французский Гражданский кодекс 1804 г. послужил юридическим оформлением перехода к новой общественно-экономической формации — капитализму и, разумеется, буржуазному обществу. Это была очередная ступенька прогрессивного развития.

Доминирующие последние 200–300 лет политико-правовые доктрины в виде социализма, либерализма и консерватизма содержат колоссальный методологический потенциал в части конструирования той социальной реальности, которую они создают в форме теоретических моделей.

Однако в истории политической и правовой мысли есть и отдельные мыслители, предложившие собственную методологическую парадигму, такие как Дж. Вико, Г. В. Ф. Гегель, К. Маркс. Можно назвать и иных. Но это касается, собственно говоря, чисто научной сферы. И это тема для отдельного, более обстоятельного разговора.

Таким образом, история политических и правовых учений, как никакая другая дисциплина, обладает колоссальным методологическим потенциалом. Без нее невозможно представить интеллектуальную историю человечества. Проблемы, которые обсуждались и продолжают обсуждаться в ее рамках, чаще всего выходят за пределы отдельной страны и даже какой-либо цивилизации. А вот как мы используем этот потенциал, это уже совсем другой вопрос. И поводов для оптимизма, увы, почти нет. Духовная культура должна определять векторы развития, а машина власти — всего лишь способ достижения целей.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Боботов С. В. Наполеон Бонапарт — реформатор и законодатель. — М., 1998. — 208 с.
2. Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. — М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017. — 656 с.
3. Блэк Дж. Краткая история Италии. — М. : Колибри, Азбука-Аттикус, 2021. — 368 с.
4. Грэй К. Германия. Полная история страны. — М. : АСТ, 2021. — 336 с.
5. Жуков Д. Заветное. — М. : Современник, 1981. — 335 с.
6. Нонтэ С. Франция. Полная история страны. — М. : АСТ, 2020. — 448 с.

¹⁵ Цит. по: Боботов С. В. Наполеон Бонапарт — реформатор и законодатель. М., 1998. С. 123.

¹⁶ Нонтэ С. Франция. Полная история страны. М. : АСТ, 2020. С. 283.

7. Римини Р. Краткая история США. — М. : Колибри, Азбука-Аттикус, 2021. — 480 с.
8. Тойнби А. Дж. Цивилизация под судом истории. — М. : Айрис-Пресс, 2003. — 592 с.
9. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. — М. : АСТ, 2005. — 603 с.

Материал поступил в редакцию 4 апреля 2022 г.

REFERENCES

1. Bobotov SV. napoleon bonapart — reformator i zakonodatel [Napoleon Bonaparte is a reformer and legislator]. Moscow; 1998. (In Russ.).
2. Weber M. Izbrannoe: Protestantskaya etika i dukh kapitalizma [Favorites: Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism]. Moscow, St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives Publ.; 2017. (In Russ.).
3. Black J. Kratkaya istoriya Italii [A brief history of Italy]. Moscow: KoLibri, ABC-Atticus Publ.; 2021(In Russ.).
4. Gray K. Germaniya. Polnaya istoriya strany. [Germany. The full history of the country]. Moscow: AST Publ.; 2021. (In Russ.).
5. Zhukov D. Zavetnoe [The Cherished]. Moscow: Sovremennik Publ.; 1981. (In Russ.).
6. Nonte S. Frantsiya. Polnaya istoriya strany [France. The full history of the country]. Moscow: AST Publ.; 2020. (In Russ.).
7. Rimini R. Kratkaya istoriya SShA [A brief history of the USA]. Moscow: Hummingbird, ABC-Atticus publ.; 2021. (In Russ.).
8. Toynbee AJ. Tsvilizatsiya pod sudom istorii [Civilization is under the judgment of history]. Moscow: Iris-Press Publ.; 2003. (In Russ.).
9. Huntington S. Stolknoenie tsvilizatsiy [Clash of civilizations]. Moscow: AST Publ.; 2005. (In Russ.).